

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство видов
обращения и наказания**

Distr.: General
24 June 2014
Russian
Original: French

Комитет против пыток

Сообщение № 477/2011

**Решение, принятое Комитетом на его пятьдесят второй сессии
(28 апреля – 23 мая 2014 года)**

<i>Представлено:</i>	Али Аррасом (представлен адвокатами Дуней Алама и Кристофом Маршаном)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявитель
<i>Государство-участник:</i>	Марокко
<i>Дата представления жалобы:</i>	3 октября 2011 года (первоначальное представление)
<i>Дата настоящего решения:</i>	19 мая 2014 года
<i>Тема сообщения:</i>	применение пыток при содержании под стражей
<i>Процедурный вопрос:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты
<i>Вопросы существа:</i>	пытки или другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения; обязанность государства-участника провести оперативное и беспристрастное расследование; запрет на использование в качестве доказательства показаний, полученных под пытками
<i>Статьи Конвенции:</i>	статья 2, пункт 1; статьи 11, 12, 13 и 15

GE.14-06423 (R) 220814 260814

* 1 4 0 6 4 2 3 *

Просьба отправить на вторичную переработку

Приложение

Решение Комитета против пыток в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (пятьдесят вторая сессия)

относительно

Сообщения № 477/2011

<i>Представлено:</i>	Али Аррасом (представлен адвокатами Дуней Алама и Кристофом Маршаном)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявитель
<i>Государство-участник:</i>	Марокко
<i>Дата представления жалобы:</i>	3 октября 2011 года (первоначальное представление)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 19 мая 2014 года,

завершив рассмотрение жалобы № 477/2011, представленной Али Аррасом в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания,

приняв во внимание всю информацию, которая была ему представлена заявителем и государством-участником,

принимает следующее:

Решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции против пыток

1.1 Заявителем является Али Аррас, гражданин Бельгии и Марокко. Он утверждает, что является жертвой нарушения статей 2, 11, 12, 13 и 15 Конвенции. Он представлен адвокатом.

1.2 15 июня 2012 года Комитет проинформировал государство-участник о том, что он решил не проводить раздельного рассмотрения приемлемости и существа сообщения.

Факты в изложении заявителя

2.1 1 апреля 2008 года заявитель был арестован в Испании, а затем заключен под стражу на основании международного ордера на арест, выписанного в Марокко по обвинению в принадлежности к террористической организации. Марокко запросило его экстрадицию, и после соответствующего производства по

этому делу Испания передала заявителя марокканским властям 14 декабря 2010 года.

2.2 По прибытии в Касабланку заявитель был задержан¹ и помещен под стражу в месте, которое ему не удалось установить, так как он был доставлен туда с завязанными глазами. По его утверждениям, он подвергся затем, в течение четырех–пяти дней, повторным сеансам пыток, в ходе которых несколько человек наносили ему удары палками, давали пощечины, пытали его электрошоком, окунали головой в ведро с водой до потери сознания, лишали сна, пищи и воды, угрожали изнасилованием и насиловали бутылкой. Он утверждает, что ему несколько раз вводили инъекции, после которых он страдал от кризисов безумия и впадал в бессознательное состояние. Дважды его привозили в лес в окрестностях города Надора, угрожали там смертью и симулировали расстрел. Он провел несколько дней в СИЗО города Темара, где, по его утверждениям, подвергался тем же сериям пыток. Он находился там до 23 декабря 2010 года, а затем был переведен в Касабланку и передан национальной бригаде судебной полиции; он находился в тяжелом состоянии здоровья и был не в состоянии ни говорить, ни двигаться. После такого обращения с ним заявитель подписал признание, заранее составленное на арабском языке, которым он не владеет. 24 декабря 2010 года заявитель был представлен временно откомандированному следственному судье Апелляционного суда города Сале, который не запротоколировал его многочисленные раны и не запросил проведения судебно-медицинской экспертизы.

2.3 После экстрадиции его родственники узнали о его судьбе лишь из статьи, опубликованной в газете 27 декабря 2010 года. Тогда они связались с адвокатом, которому удалось в тот же день увидеться с заявителем в тюрьме Сале II. Адвокат отметил, что заявитель был запуган и был не в состоянии ни говорить, ни двигаться. Он несколько дней пребывал в таком состоянии и был не способен говорить об обращении, которому подвергся. В последующие недели он отказывался подать жалобу из-за страха снова подвергнуться пыткам.

2.4 Заявитель повторно предстал перед следственным судьей 18 января 2011 года. На этот раз его сопровождал адвокат, который сделал заявления о жестоком обращении. Однако судья отказался запротоколировать их. Заявитель не прошел также судебно-медицинской экспертизы, несмотря на то, что в соответствии с пунктом 5 статьи 73 и пунктом 5 статьи 134 Уголовно-процессуального кодекса прокурор и/или следственный судья должны обеспечить прохождение обвиняемым судебно-медицинской экспертизы, если они установили наличие признаков, обосновывающих необходимость проведения такой экспертизы.

2.5 11 февраля 2011 года адвокаты заявителя направили министру юстиции письмо с просьбой о проведении судебно-медицинской экспертизы независимыми международными экспертами. 18 марта 2011 года министр юстиции отклонил это ходатайство, указав, что заключение под стражу было проведено на законных основаниях и с соблюдением принципа уважения прав и достоинства заявителя; что заявитель ни разу не пожаловался ни Генеральному прокурору, ни следственному судье на применение к нему пыток; что ни заявитель, ни его марокканский адвокат не ходатайствовали о проведении какой бы то ни было

¹ В соответствии с декретом 03-03 о делах, касающихся государственной безопасности и борьбы с терроризмом, задержание может продолжаться в течение трех последовательных сроков, по 96 часов каждый, без права на помощь со стороны адвоката.

судебно-медицинской экспертизы и не подавали жалобы в этой связи; и что заявитель все еще вправе ходатайствовать о проведении судебно-медицинской экспертизы марокканскими службами здравоохранения в соответствии с положениями марокканского законодательства.

2.6 13 мая 2011 года заявитель подал Генеральному прокурору при Апелляционном суде Рабата жалобу, содержащую заявления о пытках, которым он был подвергнут, однако производство по этой жалобе было прекращено 29 сентября 2011 года. Он также сообщал об актах пыток в Национальный совет по правам человека 2 мая и 29 июля 2011 года. 26 мая 2011 года Брюссельская коллегия адвокатов направила министру юстиции Марокко письмо с просьбой разрешить проведение судебно-медицинской экспертизы марокканскими и иностранными специалистами.

2.7 Судебный процесс над заявителем был проведен в Апелляционном суде Рабата, заседающего при рассмотрении вопросов, связанных с терроризмом, в Сале. Заявитель предстал перед судом 22 апреля 2011 года и 15 сентября 2011 года. В ходе последнего заседания его адвокаты выступили с заявлениями о нарушениях процедуры, в частности о перенесенном заявителем жестоким обращении. Однако суд отклонил все претензии, включая ходатайство о том, чтобы объявить недействительными признания, сделанные заявителем в ходе содержания под стражей, так как они были получены под принуждением. Суд также отказался отложить рассмотрение этого дела до эффективного расследования заявлений о применении пыток.

2.8 Слушание дела в суде состоялось 24 ноября 2011 года. Заявитель был приговорен к 15 годам лишения свободы за участие в террористической группе и приобретение оружия для этой группы. По словам заявителя, в возбужденном против него деле не содержалось никаких объективных доказательств, свидетельствующих о какой бы то ни было его причастности к террористической группе, и оно состояло в основном из "признаний", которые были получены под пыткой и от которых он впоследствии отказался². Однако суд счел действительными эти первые протоколы, составленные на арабском языке без помощи устного переводчика, так как они были якобы подписаны заявителем, хотя суд использовал услуги устного переводчика на своих заседаниях. Суд указал, что в связи с пытками не было сформулировано никакого ходатайства, хотя в феврале 2011 года министру юстиции было направлено ходатайство о проведении судебно-медицинской экспертизы и в мае 2011 года была подана жалоба в связи с фактами применения пыток, рассмотрение которой было впоследствии прекращено.

² В приговоре отмечено следующее: "Защита обвиняемого выступила с заявлением о применении к нему пыток и принуждения. Поскольку в деле не содержится никакого упоминания о том, что защита или обвиняемый заявляли в ходе разбирательства о проблеме пыток или что они ходатайствовали о проведении судебно-медицинской экспертизы для доказательства факта применения пыток, то этот аргумент защиты является необоснованным и подлежит отклонению". В приговоре отмечено также следующее: "Поскольку обвиняемый отрицал свою вину в суде и в ходе предварительного допроса; поскольку это отрицание вины противоречит признанию обвиняемым, сделанному им на предварительном этапе, факта совершения действий, вменяемых ему в вину, – недвусмысленному признанию, содержащему подробное изложение приписываемых ему действий и заявления, совпадающие с заявлениями обвиняемых А.В. и В.Р.В. [...]; поскольку эти признания, четко заявленные в судебной полиции, не оставляют никаких сомнений и рассматриваются как действительное и достаточное доказательство [...]".

2.9 В тюрьме Сале II заявитель не может проводить конфиденциальной беседы с адвокатами, так как рядом всегда находится человек в штатском, который может услышать содержание беседы. Адвокаты пожаловались на такое положение дел, в частности в письмах от 18 ноября 2011 года, адресованных на имя министра юстиции и Генерального уполномоченного по вопросам пенитенциарной администрации и включения в общественную жизнь, но не получили никакого ответа. Что касается режима содержания под стражей, то заявитель утверждает, что в течение нескольких месяцев он находился в полной изоляции, не имея возможности общаться ни со своими адвокатами, ни с членами семьи или близкими. Заявитель ни разу не был проинформирован о правилах, которые к нему применялись, ни об основаниях для такого режима. Ему не сообщили также причин постепенного послабления этого режима.

Жалоба

3.1 Заявитель считает, что изложенные им факты представляют собой нарушение пункта 1 статьи 2, а также статей 11, 12, 13 и 15 Конвенции.

3.2 Что касается пункта 1 статьи 2, то заявитель считает, что государство-участник не приняло всех эффективных мер для предупреждения применения к нему актов пыток. Это нарушение носит тем более серьезный характер, что он обратил внимание министра юстиции на эти факты, ходатайствовал о проведении судебно-медицинской экспертизы и подал официальную жалобу. Однако власти никак на это не отреагировали.

3.3 Что касается статьи 11, то заявитель считает, что если бы государство-участник соблюло свои обязательства, вытекающие из этого положения Конвенции, то ему не пришлось бы страдать от видов обращения, которые были к нему применены с целью получения "признаний". Уже в течение многих лет государство-участник не раз обвинялось в применении пыток, однако оно никак не меняет своего поведения. Министр юстиции был, однако, уже 16 декабря 2010 года предупрежден об обеспокоенности адвокатов заявителя по поводу состояния его здоровья.

3.4 Что касается статей 12 и 13 Конвенции, то с учетом отдельных обстоятельств и конкретных условий данного дела имеются, бесспорно, разумные основания полагать, что заявитель был подвергнут пыткам. Заявителя несколько раз допрашивали в рамках производства предварительного следствия, к которому власти Испании дважды приступали по обвинению заявителя в террористической деятельности. В течение трех лет расследования, по завершении которого его дело было прекращено, он неизменно отрицал принадлежность к какой бы то ни было террористической организации. Поэтому трудно себе представить, что он мог вдруг признаться в своей вине после его передачи властям Марокко.

3.5 В Марокко не было проведено никакого оперативного и тщательного расследования, отвечающего требованиям Конвенции. Во-первых, следственный судья должен был бы соответствующим образом отреагировать уже во время первой явки к нему заявителя в декабре 2010 года. Во-вторых, Апелляционный суд Рабата, заседавший в первой инстанции в Сале, не запросил материалов дела, касающихся заявлений о применении пыток, и не распорядился о проведении расследования этой жалобы. Расследование этой жалобы не было направлено на выявление лиц, виновных в применении пыток, и проводилось тем же органом полиции, сотрудники которого применили к заявителю обращение, ставшее предметом его жалобы. Кроме того, ни прокурор, ни следственный судья никак не отреагировали на то, что заявитель вышел из-под стражи в совер-

шенно подавленном состоянии и с многочисленными следами насилия, которому он подвергся, причем и в этом случае проведение расследования было возложено на прокуратуру Рабата.

3.6 Кроме того, заявитель и его защитник подвергались давлению и запугиванию. Заявитель абсолютно не чувствует себя в безопасности в месте своего заключения.

3.7 Заявитель считает, что государство нарушило статью 15 Конвенции, так как оно не обеспечило, чтобы любое заявление, сделанное под пыткой, не использовалось в качестве доказательства в ходе судебного разбирательства, возбужденного в отношении заявителя.

Замечания государства-участника

4.1 В вербальной ноте от 11 декабря 2011 года государство-участник оспорило приемлемость сообщения. Оно проинформировало Комитет о том, что заявитель был заключен под стражу сразу же по прибытии в Марокко 14 декабря 2010 года. Он подозревался в принадлежности к террористической организации *аль-харакат аль-муджаиддин фи аль-Магриб*. Расследование, проводившееся органами судебной полиции под надзором прокуратуры, позволило установить, что он был завербован Абделькадером Беллираджом (дело о ликвидации одноименной террористической структуры) и что он был причастен к ввозу огнестрельного оружия в Марокко в 2002–2006 годах из Европы (Мелилья). Сразу же по прибытии в Марокко он был задержан; первый раз срок задержания был продлен 18 декабря 2010 года и второй раз – 22 декабря 2010 года в соответствии со статьей 66 Уголовно-процессуального кодекса, касающейся задержания по подозрению в террористической деятельности.

4.2 24 декабря 2010 года заявитель предстал перед следственным судьей Апелляционного суда Рабата. В протоколе этого судебного заседания не указано, что заявитель жаловался на применение пыток или просил, чтобы его осмотрел врач. Он лишь заявил, что присоединился к джихадистскому движению в Марокко в 1992 году. В ходе второго слушания дела судьей 18 января 2011 года ни заявитель, ни его адвокат не жаловались на применение пыток. Кроме того, они не обжаловали решение судьи. 3 марта 2011 года дело заявителя было передано на рассмотрение Апелляционного суда Рабата. В мае 2011 года заявитель подал министру юстиции жалобу на применение пыток, которая была передана в прокуратуру для расследования.

4.3 15 сентября 2011 года адвокат заявителя обратился с ходатайством о том, чтобы признать доклад о результатах полицейского расследования недействительным на том основании, что содержащиеся в нем утверждения заявителя были получены под пыткой. Это ходатайство было отклонено судом. 27 октября 2011 года заявитель был осужден на основании статей 293, 294 и 295 Уголовного кодекса (преступное сообщество и пособничество преступникам) и пункта 9 статьи 218-1 (участие в сообществе, созданном с целью подготовки или совершения террористических актов, или в сговоре с этой целью). Он был приговорен к 15 годам лишения свободы. Он обжаловал этот приговор.

4.4 По мнению государства-участника, сообщение является неприемлемым в соответствии с пунктом 5 а) статьи 22 Конвенции, так как заявитель представил в Комитет по правам человека сообщение, которое касается Испании и в котором излагаются те же факты. Кроме того, он не исчерпал внутренние средства правовой защиты, так как его апелляционная жалоба все еще находилась на рассмотрении в Апелляционном суде. После принятия этим судом решения зая-

витель еще мог бы попытаться подать апелляционную жалобу в соответствии со статьей 323 Уголовно-процессуального кодекса. Кроме того, жалоба, поданная заявителем на имя министра юстиции в мае 2011 года, еще находилась на стадии расследования. Для его завершения потребовалось бы время, особенно учитывая то обстоятельство, что заявитель не раскрыл личность тех, кто предположительно был причастен к пыткам. Недавно суд постановил, чтобы заявитель был осмотрен врачом для проверки его заявлений о пытках.

Комментарии заявителя относительно замечаний государства-участника

5.1 28 марта 2012 года заявитель прокомментировал замечания государства-участника.

5.2 Заявитель утверждает, что дело, представленное Комитету по правам человека, отличается от дела, которое он направил Комитету против пыток. Он представил Комитету по правам человека сообщение, касающееся Испании, чтобы избежать экстрадиции в Марокко из-за риска подвергнуться пыткам. В отличие от упомянутого сообщения в настоящем заявлении речь идет о событиях, произошедших на территории Марокко.

5.3 Что касается исчерпания внутренних средств правовой защиты, то заявитель утверждает, что в Марокко не существует процедуры, позволяющей лицу, жалующемуся на применение пыток, добиться от государства проведения беспристрастного и оперативного расследования. Подача такой жалобы не имеет ни правовых, ни фактических последствий для хода уголовного судопроизводства, основанного на доказательствах, относительно которых утверждается, что они были, вероятно, получены под пыткой. Не существует никакой процедуры, позволяющей заявителю приостановить начатое в отношении него уголовное дело до тех пор, пока его жалоба не будет добросовестно расследована. Заявитель не располагает в этом отношении никаким внутренним средством правовой защиты. В данном случае следует отметить, что в своем обвинительном приговоре суд отклонил ходатайство об объявлении "признаний" неприемлемыми под тем предлогом, что в деле никак не упоминаются заявления о применении пыток³. Кроме того, некоторые из нарушений Конвенции, о которых было заявлено, носят окончательный характер и не могут быть "исправлены" в результате оправдания заявителя или признания факта применения к нему жестокого обращения.

5.4 Заявитель выражает обеспокоенность в связи с ходом рассмотрения поданной им жалобы на применение пыток. Когда он упомянул об этой жалобе в ходе судебного разбирательства, прокурор заявил, что никакой жалобы не поступало. После того как заявитель представил доказательство подачи этой жалобы, магистраты сочли, что представленное доказательство никак не может повлиять на ход судебного разбирательства. Между тем прокуратура прекратила производство по этой жалобе, и в конечном счете заявитель был приговорен к 15 годам лишения свободы. Кроме того, заявитель подал жалобу с предъявлением гражданского иска, но оставался в неведении относительно своей участи. Наконец в ходе разбирательства в Комитете заявитель узнал, что было возобновлено расследование его первоначальной жалобы. Однако ввиду отсутствия расследования в течение более шести месяцев заявитель опасался, что "возобновление" расследования было лишь показным мероприятием. В качестве доказательства он приводит условия, в которых были осуществлены два обязательных следственных действия и о которых впоследствии было сообщено Гене-

³ См. примечание № 2.

ральному прокурору Апелляционного суда в Рабате, с направлением копии сообщения на имя министра юстиции, а именно: допрос заявителя сотрудниками полиции, ответственными за проведение расследования, и его судебно-медицинская экспертиза.

5.5 В декабре 2011 года заявитель был допрошен полицейскими в штатском, которые не предъявили полицейской бляхи, не сообщили, к какой службе они относятся, и не уточнили, в рамках какой процедуры они проводили этот допрос. Хотя допрос проводился на французском языке, он протоколировался на компьютере на арабском языке, причем устный переводчик, присутствие которого требуется при любом процессуальном действии, касающемся заявителя, отсутствовал. Полицейские предъявили ему документы и попросили подписать их, но, поскольку они были составлены на арабском языке, он отказался их подписывать. Он не получил копии протокола.

5.6 Что касается судебно-медицинской экспертизы, то 8 января 2012 года заявитель был доставлен, не будучи заранее уведомлен, в расположенный недалеко от тюрьмы госпиталь⁴. Там его встретила женщина, которая представилась ему как судебно-медицинский эксперт, в сопровождении двух медиков мужского пола. Ни один из них не назвался. Заявитель подробно рассказал о насилии, которому он подвергся, и затем был осмотрен⁵. Беседа и выслушивание стетоскопом проходили в присутствии пяти неизвестных лиц в штатском. В этом же больничном учреждении было осуществлено рентгенографическое исследование его левого плеча. Затем он был перевезен в другое учреждение для обследования ЛОР-органов, которое, однако, не было проведено из-за отказа оборудования. После этой даты никаких дополнительных обследований не проводилось. Заявитель не был осмотрен психиатром, и психологические последствия не были, таким образом, оценены.

5.7 19 марта 2012 года заявитель обратился к Генеральному прокурору, в частности, с ходатайством об осмотре его левого плеча и получении необходимой медицинской помощи, так как при вставании он испытывал боль в руке; обследовании ЛОР-органов; неврологическом обследовании, так как после примененного к нему обращения его конечности в значительной степени утратили чувствительность; и о психиатрическом обследовании, так как он страдал, в частности, от бессонницы, стресса и тревожного расстройства. В том же письме он просил разрешения назначить одного или нескольких врачей-консультантов,

⁴ Согласно докладу Генеральной прокуратуры, речь идет о госпитале "Авиценна" в Рабате.

⁵ Согласно докладу о результатах медицинского осмотра, он заявил, что "получил телесные повреждения в результате нанесения множественных ударов тупым предметом, кулаками и ногами, в то время как его запястья и лодыжки были связаны, а глаза закрыты повязкой. Он заявляет также, что полицейские ввели ему бутылку в задний проход. Г-н Али Аррас сообщает, что после актов пыток он испытывал рассеянную боль во всем теле, страдал от шума в ушах и кровотечения из левого уха и заднего прохода и что несколько раз он терял сознание, в результате чего потребовалось посещение врача, сделавшего ему, с двухдневным перерывом, внутривенную инъекцию неустановленным препаратом в каждый локтевой изгиб и внутримышечную инъекцию каким-то веществом в левую ягодицу. Он заявляет также, что ему был причинен ожог сигаретой локтевого края кисти правой руки, что привело впоследствии к буллезному поражению". В заключении доклада делается следующий вывод: "Клиническое обследование г-на Али Арраса, проведенное 08/12/2011 (*именно так!*), не выявило никаких следов травм, могущих быть связанными с актами пыток, которым было якобы подвергнуто вышеуказанное лицо во время его содержания под стражей до суда".

а также делегировать проведение медицинской экспертизы международному нейтральному органу, в частности Международному совету по реабилитации жертв пыток (МСРЖП), чтобы провести состязательную медицинскую экспертизу, и предоставить помощь адвоката на протяжении всего процесса расследования. Он также попросил предоставить ему фотоальбом с фотографиями всех лиц, занимавшихся им по его прибытии в Марокко, чтобы он смог опознать своих мучителей. Ответа на это письмо он не получил.

5.8 Заявитель утверждает, что расследование было проведено поздно, когда уже не было доказательств. Кроме того, он не был проинформирован о ходе расследования, а его адвокатам не было разрешено оказывать ему помощь в этой связи или предложено поделиться своими возможными замечаниями. Не были выполнены основные юридические обязанности, такие как допрос на очной ставке, предоставление альбома с фотографиями потенциальных исполнителей пыток, передача личного дела подследственного с фотографиями заявителя и т.д. Ни он, ни его адвокаты не были проинформированы о его предстоящем опросе и осмотре врачом, и не было испрашено его согласия на проведение такого обследования. Доклад с результатами расследования по факту пыток совершенно неполон, так как защите не была предоставлена возможность ходатайствовать об осуществлении обязательных следственных действий. В заключение заявитель отметил, что он не располагал эффективным средством правовой защиты, чтобы доказать факты применения к нему пыток и предотвратить свое осуждение на основе признаний, полученных под пытками.

5.9 В связи с замечаниями государства-участника заявитель отмечает, что странно, с одной стороны, сообщать о проведении расследования заявлений о пытках и, с другой стороны, утверждать, что эти заявления не соответствуют действительности, так как они не были занесены в протокол допроса следственным судьей. В докладе международных организаций сообщается о неоднократных случаях пыток в Марокко, совершаемых в ходе несправедливых судебных разбирательств и в атмосфере безнаказанности в этом вопросе. Из того, что первоначально жалобы заявителя не были запроотоколированы, никак нельзя заключить, что он не был подвергнут бесчеловечному и унижающему достоинство обращению.

5.10 Заявитель подчеркивает, что дела о терроризме рассматриваются специализированными судами. Это дает основание предполагать, что судьи, которым было поручено ведение его дела, являются теми же судьями, которые в прошлом способствовали безнаказанности за нарушения основных прав человека других подследственных лиц органами полиции и Управлением территориального надзора (DST) Марокко и использованию в качестве доказательств в суде показаний, полученных под пытками. В частности, участие следственного судьи Ш., специализирующегося на делах о терроризме, и судей первой инстанции, которые якобы выносили решение по делу *Беллираджа*, в рассмотрении его дела позволяет предположить, что пытки были вновь применены в деле заявителя⁶. Заявитель ссылается на заключительные замечания Комитета в отношении Марокко, в которых Комитет выразил обеспокоенность по поводу сложившейся, по-видимому, в стране атмосферы безнаказанности⁷ за противоречащие Конвенции деяния. Он ссылается также на постановление Европейского

⁶ Заявитель утверждает, что в деле *Беллираджа* обвиняемые жаловались на жестокое обращение и пытки, однако этим жалобам не было дано хода.

⁷ Заключительные замечания Комитета против пыток, касающиеся четвертого периодического доклада Марокко, принятые 17 ноября 2011 года (CAT/C/MAR/CO/4), пункт 16.

суда по правам человека (ЕСПЧ) по делу *Бутани против Франции*, в котором Суд отметил, что авторы всех международных докладов о положении в области прав человека в Марокко сходятся в том, что к лицам, подозреваемым в причастности к террористической деятельности, применяется жестокое обращение⁸.

5.11 Заявитель подчеркивает, что он был не способен добиться занесения в протокол своих показаний во время этих допросов, будь то в ходе временного задержания или во время явки к следственному судье. На явке следственный судья был ему "представлен" как начальник сотрудников, проводивших предварительные допросы, и поэтому он решил ни на что ему не жаловаться. Однако, учитывая физическое состояние заявителя, следственному судье следовало бы потребовать проведения медицинских осмотров. Во время своей второй явки к судье заявитель при содействии своего адвоката отказался от своих "признаний" и пожаловался на применение к нему пыток, однако его заявления не были запротолкированы. Заявитель не мог заставить судью соблюдать требования закона. С другой стороны, судья знал о том, что произошло, и поступил бы соответствующим образом, если бы этого захотел. Наконец, заявитель пожаловался министру юстиции и подал жалобу с предъявлением уголовного иска. Заявителю был дан отказ в возбуждении уголовного дела, причем никаких обязательных следственных действий не осуществлялось до возобновления рассмотрения этой жалобы. Заявитель опасается, что речь идет об импровизированном расследовании, учитывая его затягивание, неэффективность, непрозрачность и отсутствие состязательной процедуры, в частности в случае пресловутой медицинской экспертизы заявителя.

5.12 В своих замечаниях государство-участник не оспаривает тот факт, что выдвигаемые против заявителя обвинения основываются главным образом на заявлениях, которые, по утверждениям государства-участника, он сделал, находясь в предварительном заключении, и подтвердил в ходе своего первого допроса у следственного судьи. Однако заявитель отказался от своих признаний сразу же после возобновления производства по его делу.

5.13 Государство-участник никак не упоминает и не объясняет прекращение производства по жалобе в сентябре 2011 года, а также причины и момент возобновления следствия. Оно не приводит данных о виде запрошенного обследования, враче, ответственном за его осуществление, проведенных осмотрах и их результатах. Государство-участник не затрагивает вопроса об отсутствии устного переводчика во время предварительного заключения заявителя и о подписании документов, составленных на арабском языке. Судя по всему, заявитель был сфотографирован по его прибытии в тюрьму Сале II. Однако эти фотографии не были предъявлены в ходе судебного разбирательства, чтобы проверить утверждения заявителя относительно его физического состояния. 21 марта 2012 года адвокаты заявителя письменно обратились к министру юстиции, Генеральному прокурору при Апелляционном суде Рабата и директору тюрьмы с просьбой о доступе к этим фотографиям и вообще к личному делу подследственного, но не получили никакого ответа.

⁸ *Boutagni c. France*, requête n° 42360/08, par. 46, arrêt du 18 novembre 2010, CEDH (*Бутани против Франции*, жалоба № 42360/08, пункт 46, постановление от 18 ноября 2010 года, ЕСПЧ).

Дополнительная информация, предоставленная сторонами

Информация, предоставленная заявителем

6.1 Несколько раз заявитель представлял в Комитет письменную информацию о событиях, произошедших после представления им комментариев относительно замечаний государства-участника. Он отмечает, что 18 апреля 2012 года Генеральный прокурор вновь прекратил производство по жалобе о пытках, поданной заявителем в мае 2011 года, на основании "отсутствия подтверждения претензий, содержащихся в жалобе". Его ходатайство о предъявлении гражданского иска в уголовном процессе не было удовлетворено. Заявитель повторно обращался к министру юстиции и Генеральному прокурору Рабата с просьбами о получении, в частности, докладов о результатах его допроса от 7 января 2012 года и судебно-медицинской экспертизы от 8 января 2012 года, а также фотографий, сделанных по его прибытии в тюрьму Сале II. По его мнению, эти материалы были важны для рассмотрения апелляционной жалобы, поданной им в связи с его осуждением.

6.2 Доклады о результатах медицинского обследования и допроса были предоставлены заявителю 29 мая 2012 года. Однако эти доклады были подготовлены в тех же органах, сотрудники которых участвовали в пытках, и в них содержатся отклонения от установленной процедуры. Например, в докладе содержится якобы подписанное им заявление, сделанное им следователям, тогда как он ничего не подписывал, так как не мог понять протокола, составленного на арабском языке. Он утверждает, что он не свидетельствовал о том, что он полностью выздоровел, тогда как в докладе утверждается обратное. Отмечается также, что на теле заявителя уже не было никаких следов жестокого обращения, однако сестра заявителя видела такие следы на его запястьях и за правым ухом, а его жена нашла на его теле следы сигаретных ожогов. Заявитель получил также свою фотографию, однако речь идет о фотографии, взятой из тюремной книги, а не фотографии, снятой тюремной администрацией по его прибытии в тюрьму Сале II. Что касается медицинской экспертизы, то она носит односторонний характер и содержит ошибки. Например, в ней указано, что было проведено обследование ЛОР-органов, хотя такого обследования не проводилось.

6.3 По просьбе адвокатов заявителя, врач и независимый эксперт по вопросу о пытках д-р Б. высказал свое мнение о медицинском заключении и пришел к выводу, что должно было бы быть проведено полное медицинское и психологическое обследование в соответствии с положениями Руководства по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Стамбульский протокол), включая осмотры и анализы, проводимые независимыми врачами, специализирующимися в оценке состояния здоровья лиц, предположительно подвергшихся пыткам. В заключении не содержится данных о проведенных осмотрах и почти никакой информации о результатах таких осмотров. Врачи даже не пытались заполучить заключения врачей, осматривавших заявителя во время его предварительного заключения или нахождения в тюрьме. В заключении не указано, проводился ли осмотр в присутствии полицейских или сотрудников тюрьмы и был ли заявитель закован в наручники или каким-либо другим образом ограничен в движениях. Заключительная часть этого доклада занимает всего лишь полторы страницы, и заявления о применении пыток сведены в ней к двум коротким предложениям. В заключении не содержится ни рисунков, ни фотографий. В нем лишь вновь отмечается наличие шрамов на нижних конечностях, полученных в результате произошедшей в прошлом дорожной аварии. В нем нет никаких указаний на то, что утверждения заявителя

были каким-либо образом проверены. Ввиду того, что это обследование было проведено спустя более чем год после освобождения из-под стражи и что сохранение видимых следов было, таким образом, маловероятным, необходимо было провести полный осмотр всего тела. Кроме того, в заключении никак не упоминается возможное психиатрическое или психологическое обследование, и это свидетельствует о том, что проведенный осмотр не соответствует международным критериям оценки заявлений о пытках.

6.4 Медицинская экспертиза и заключения д-ра Б. были представлены для экспертной оценки марокканскому врачу, специалисту по вопросам пыток д-ру Х.Б. По его мнению, доклад о результатах судебно-медицинской экспертизы "очень краток и не позволяет суду и сторонам процесса убедиться в том, что г-н Али Аррас действительно прошел серьезное и всестороннее обследование. Эта краткость просматривается на всех уровнях [...]. Заключительная часть также лаконична и не соответствует рекомендациям Стамбульского протокола. Дело в том, что эксперт не должен просто довольствоваться заявлением о том, существуют ли физические последствия пыток, а обязан сформулировать мнение о степени согласованности всех данных, полученных на основе физических и психологических наблюдений, результатов диагностических тестов, знания региональных методов пыток, докладов о результатах консультаций [...], с предполагаемыми последствиями [...]. Всякое пренебрежение психологической оценкой в случае заявлений о пытках представляет собой серьезное нарушение и неприемлемое отклонение эксперта от норм, описанных в Стамбульском протоколе". Д-р Б. приходит к выводу том, что указанный доклад "весьма краток, скуден, несерьезен и не отвечает признанным международным минимальным нормам медицинской оценки заявлений о пытках и жестоком обращении, установленным и подробно изложенным в Стамбульском протоколе.

6.5 В связи с этим необходимо провести повторное всесторонне физическое и психологическое медицинское обследование г-на Али Арраса врачами, имеющими опыт в области расследования и документирования заявлений о применении пыток, при условии, что им будут предоставлены время и полномочия для проведения любого медицинского исследования, диагностических тестов или любых других консультаций, необходимых для вынесения надежной и мотивированной оценки".

6.6 Согласно заявителю, тщательная медицинская экспертиза имеет фундаментальное назначение для объективного, соответствующего принципу состязательности рассмотрения утверждений о применении пыток. Для этого потребовалось бы следующее: предупреждать заявителя и его адвокатов об организуемых посещениях врачей; позволить заявителю пользоваться помощью адвоката и врача-консультанта в ходе допросов; предоставить заявителю доступ к результатам его клинических исследований; выполнить дополнительные обязанности и провести дополнительные обследования, требуемые защитой заявителя, с тем чтобы располагать результатами комплексного анализа здоровья заявителя и результатами рассмотрения жалоб, поданных заявителем.

6.7 В ходе судебного заседания 18 июня 2012 года заявитель вновь обратился с ходатайством о проведении эффективного и независимого расследования его заявлений о применении пыток и, в частности, серьезной судебно-медицинской экспертизы. Учитывая необходимость тщательного расследования, заявитель направил гражданский иск Председателю суда первой инстанции Рабата⁹

⁹ Заявитель обратился в апелляционный суд с просьбой приостановить судебное разбирательство в ожидании результатов этого расследования.

18 сентября 2012 года. Однако это исковое заявление было признано неприемлемым 28 января 2013 года. Судья обосновал свое решение тем, что заявитель не назвал лиц, виновных в применении пыток, и не сослался на статьи Уголовного кодекса, устанавливающие уголовную ответственность за пытки.

6.8 Заявитель информирует Комитет о том, что он постоянно подвергается запугиваниям в тюрьме. Так, его адвокаты не всегда уведомляются о проведении слушаний, в результате чего он иногда являлся на слушания один; ему не оказываются адекватные медицинские услуги; чинятся препятствия его переписке с адвокатами и членами семьи. Что касается условий содержания под стражей, то после трех месяцев содержания в одиночной камере (полное отсутствие общения с другими заключенными и охранниками; отсутствие материалов для чтения, радио и телевидения; одиночная прогулка во дворе тюрьмы и т.д.) он был помещен в камеру с четырьмя лицами, осужденными за контрабанду наркотиков, которые отличались особенной грубостью и непочтительностью. Дважды он подвергался агрессии со стороны одного из сокамерников, и ни один из охранников не вступился за него. В июле 2012 года без всякого на то основания он был вновь помещен в одиночную камеру, а продолжительность его ежедневной прогулки в отдельном внутреннем дворе тюрьмы была сокращена до одного часа. Он был переведен в тюремный блок обычного режима незадолго до визита в Марокко Специального докладчика по вопросу о пытках. Специальный докладчик встретился с ним 20 сентября 2012 года¹⁰. Заявитель утверждает, что после этого визита он подвергся угрозам со стороны заместителя директора тюрьмы. Его адвокаты неоднократно письменно уведомляли марокканские власти о применявшихся по отношению к заявителю давлении, угрозах, жестоком обращении¹¹ и об отказе в медицинской помощи, однако не получили никакого ответа.

6.9 1 октября 2012 года апелляционная палата по уголовным делам Апелляционного суда Рабата приговорила заявителя в апелляционном порядке к 12 годам тюремного заключения за нарушение закона о борьбе с терроризмом. Суд счел, что "суд первой инстанции адекватно ответил на все требования и возражения и утверждает их в той мере, в какой они удовлетворяют правовым аспектам, особенно в том, что касается утверждений обвиняемого о применении к нему пыток, так как была проведена судебно-медицинская экспертиза тремя врачами, которые подтвердили, что обвиняемый не подвергался каким бы то ни было пыткам, в результате чего суд счел уместным поддержать заключения, содержащиеся в этой части приговора, обжалованного в апелляционном поряд-

¹⁰ В опубликованном 31 мая 2013 года письме на имя марокканских властей Специальный докладчик сообщил, что судебно-медицинский эксперт, сопровождавший его в поездке по Марокко, провел внешний осмотр заявителя. Судебно-медицинский эксперт заключил, что с утверждениями заявителя совпадали большинство наблюдаемых следов, возникших в результате ожогов от сигарет, нанесения ударов по подошвам обеих стоп, интенсивного связывания, а затем подвешивания за запястья и электропыток яичек. Кроме того, он отметил, что описание заявителем симптомов, которые он испытывал после сеансов пыток и жестокого обращения, были полностью совместимы с его утверждениями и что вид описанных методов, якобы применявшихся сотрудниками, практиковавшими такие действия, совпадал с описаниями и утверждениями, содержащимися в других свидетельских показаниях, которые Специальный докладчик собрал в других местах содержания под стражей и которые не были известны г-ну Аррасу.

¹¹ Перечень этих почтовых отправлений содержится в переданных Комитету материалах дела.

ке"¹². Суд также счел, что приговор суда первой инстанции был обоснован, и, таким образом, суд утвердил его и принял его мотивы. В октябре 2012 года заявитель подал апелляцию в Кассационный суд.

Информация, представленная государством-участником

7.1 20 марта 2014 года¹³ государство-участник проинформировало Комитет о том, что вопрос о пытках и жестоком обращении был поднят заявителем в феврале 2011 года в министерстве юстиции, которое предложило ему подать заявление о возбуждении уголовного дела. По просьбе Генерального прокурора органы судебной полиции провели по этому заявлению первоначальное дознание, однако его результаты не позволили прокурору приступить к производству предварительного следствия. По настоятельной просьбе заявителя прокуратура распорядилась в декабре 2011 года о принятии двух мер: проведения повторного допроса в судебной полиции и проведения судебно-медицинской экспертизы. Собранные данные были доведены до сведения заявителя в апреле 2012 года.

7.2 Настоящая жалоба является предметом более пристального внимания со стороны марокканских властей, стремящихся к конструктивному взаимодействию с правозащитными механизмами Организации Объединенных Наций. Так, Специальный докладчик по вопросу о пытках, которого сопровождал врач, смог встретиться с заявителем 20 сентября 2012 года в тюрьме Сале. Для рассмотрения случая заявителя были также задействованы другие специальные процедуры.

7.3 В ответ на сделанные Специальным докладчиком заявления, которые были официально доведены до сведения властей 4 декабря 2012 года, 25 и 26 декабря 2012 года тюрьму Сале посетили члены Национального совета по правам человека (НСПЧ), которых сопровождали три врача. Они постарались расследовать как заявления о применении пыток во время предварительного заключения заявителя, так и заявления о жестоком обращении, давлении и запугивании со стороны тюремной администрации во время его содержания под стражей. Тюремная администрация приняла меры по проверке этих заявлений еще до посещения тюрьмы членами НСПЧ.

7.4 Что касается утверждений заявителя относительно обращения, которому он якобы подвергся после его беседы со Специальным докладчиком по вопросу о пытках, то государство-участник отмечает, что в октябре и декабре 2012 года генеральной инспекцией тюремной администрации были проведены расследования, в ходе которых были заслушаны все соответствующие должностные лица. Как оказалось, рассматриваемые утверждения обусловлены, главным образом, испытываемым заявителем недовольством рядом типичных мер, принимаемых тюремной администрацией. Эти меры, принятые на основании закона, ошибочно рассматриваются им как меры, принятые исключительно по отношению к нему в связи с рядом инцидентов, имевших место в этот период, и воспринимаются заявителем как меры запугивания или даже репрессалии.

7.5 Что касается условий содержания под стражей в целом, то заявитель был помещен по его же просьбе в отдельную, а не в одиночную камеру. В ходе визи-

¹² В соответствии с переводом постановления на французский язык, предоставленным Комитету заявителем.

¹³ Напоминания, в которых государству-участнику предлагалось представить замечания по существу, были направлены ему Комитетом 15 июня 2012 года, 15 августа 2012 года, 11 октября 2012 года, 6 декабря 2012 года, 21 декабря 2012 года и 25 февраля 2014 года.

та Специального докладчика к заявителю не применялись никакие меры изоляции или дисциплинарные меры. Как только заявитель был подвергнут предварительному заключению, он попросил, чтобы он находился в камере один. Несмотря на переполненность тюрьмы, для него нашлась отдельная камера. После приговора он продолжал содержаться в той же камере.

7.6 Что касается утверждений относительно отсутствия медицинской помощи, то государство-участник отмечает, в частности, что со времени прибытия заявителя в тюрьму Сале ему было дано одиннадцать медицинских консультаций. После посещения 25 и 26 декабря 2012 года тюрьмы членами НСПЧ и в результате оказания заявителю более ориентированной на его потребности медицинской помощи, в том числе психологической, напряженность вокруг условий содержания заявителя под стражей была в значительной мере снята.

7.7 С самого начала своего заключения заявитель объявлял несколько раз голодовку в знак протеста против условий своего содержания под стражей. Последний раз такая голодовка была объявлена 10 июля 2013 года. В результате вмешательства НСПЧ и после ряда встреч с ответственными работниками тюремной администрации, в том числе в рамках очных ставок между различными сторонами, заявитель решил прекратить голодовку. 3 августа 2013 года заявитель посетил управляющий директор тюремной администрации, который заверил его в том, что будут приняты все необходимые меры для проведения, в частности, необходимых медицинских осмотров и что будут даны необходимые инструкции с целью обеспечить соблюдение его основных прав. 6 августа он был осмотрен урологом и было проведено первое комплексное обследование его общего состояния здоровья в присутствии членов НСПЧ. Это обследование показало отсутствие какой-либо аномалии, которая могла бы представлять опасность для здоровья.

7.8 Благодаря удовлетворительным результатам посредничества, оказанного членами НСПЧ, диалог между заключенным и тюремной администрацией был восстановлен. Тюремная администрация пообещала НСПЧ и Межведомственному управлению по правам человека регулярно информировать их о развитии ситуации заявителя.

Новая информация, представленная заявителем

8. 31 марта 2014 года заявитель подтвердил свои предыдущие утверждения и отметил, что он продолжает подвергаться давлению со стороны властей.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

9.1 Прежде чем рассматривать какие-либо утверждения, содержащиеся в жалобе, Комитет против пыток должен решить, является ли она приемлемой по смыслу статьи 22 Конвенции. Исходя из требований пункта 5 а) статьи 22 Конвенции, Комитет убедился в том, что этот вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования. Он отмечает, что вопросы, относящиеся к содержанию под стражей заявителя и к судебному разбирательству его дела, были доведены до сведения ряда мандатариев специальных процедур Совета по правам человека, в частности Специального докладчика по вопросу о пытках и Рабочей группы по произвольным задержаниям. Вместе с тем Комитет считает, что внедоговорные процедуры или механизмы, которые создаются Комиссией по правам человека или Советом по правам человека и в мандатах которых пре-

дусматриваются изучение положения в области прав человека в конкретных странах или территориях или серьезных случаев нарушений прав человека во всем мире и подготовка передаваемых гласности докладов на основе полученных результатов, не представляют собой, как правило, процедуры международного разбирательства или урегулирования по смыслу пункта 5 а) статьи 22 Конвенции. Таким образом, Комитет считает, что ничто не препятствует рассмотрению им на основании этого положения настоящего сообщения¹⁴.

9.2 В соответствии с пунктом 5 b) статьи 22 Конвенции Комитет не рассматривает никаких сообщений, если ее не убедить, что заявитель исчерпал все имеющиеся внутренние меры правовой защиты. В настоящем случае Комитет принимает к сведению жалобу на пытки, поданную заявителем 13 мая 2011 года Генеральному прокурору при Апелляционном суде Рабата. Рассмотрение этой жалобы было сначала прекращено, затем возобновлено, а после этого вновь прекращено 18 апреля 2012 года в связи с отсутствием подтверждения претензий, сформулированных в жалобе. Комитет принимает также к сведению жалобу заявителя на пытки, поданную им в ходе судебного разбирательства его дела в Апелляционном суде Рабата. Соответственно, Комитет приходит к заключению о том, что внутренние меры правовой защиты были исчерпаны в отношении жалобы заявителя на применение пыток во время предварительного заключения.

9.3 Поскольку остальные критерии приемлемости были выполнены, Комитет объявляет сообщение приемлемым и переходит к рассмотрению по существу в отношении жалоб по пункту 1 статьи 2 и статьям 11, 12, 13 и 15 Конвенции.

Рассмотрение сообщения по существу

10.1 Комитет рассмотрел сообщение, надлежащим образом учитывая всю информацию, которая была предоставлена ему сторонами, в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции.

10.2 Комитет принимает к сведению жалобы заявителя, согласно которым: он был подвергнут предварительному заключению 14 декабря 2010 года и до 23 декабря 2010 года к нему применялись пытки в целях получения от него признательных показаний; после такого обращения его принудили подписать так называемые признательные показания, предварительно составленные на арабском языке, которым он не владеет; в течение этого времени его семья не была информирована о месте его пребывания и она узнала о том, где он содержится, из газет лишь 27 декабря 2010 года; он получил доступ к адвокату лишь начиная с этой даты; во время его допроса 24 декабря 2010 года следственный судья не запротоколировал заявлений о полученных травмах и не запросил проведения судебно-медицинской экспертизы; во время второй явки к следственному судье 18 января 2011 года заявитель, которого в этот раз сопровождал адвокат, пожаловался на обращение с ним во время предварительного заключения, однако его заявления не были запротоколированы и судья не распорядился провести медицинское обследование. В связи с этими заявлениями Комитет принимает также к сведению замечания государства-участника, в соответствии с которыми на допросе, состоявшемся 18 января 2011 года, ни заявитель, ни его адвокат не жаловались на пытки.

10.3 Комитет ссылается на свою правовую практику, касающуюся некоторых основных гарантий, которые должны применяться ко всем лицам, лишенным

¹⁴ См., например, сообщение № 1806/2008, *Саадун против Алжира*, соображения Комитета по правам человека, принятые 22 марта 2013 года, пункт 7.2.

свободы, в целях недопущения пыток. К таким гарантиям относится право заключенных на оперативный доступ к независимой правовой и медицинской помощи и на возможность связаться со своей семьей¹⁵. Комитет также напоминает о своих заключительных замечаниях, касающихся четвертого периодического доклада Марокко, в которых Комитет выразил озабоченность в связи с тем, что принятый в 2003 году Закон № 03-03 о борьбе с терроризмом разрешает встречу содержащихся под стражей лиц с адвокатом лишь по истечении шестидневного срока, повышая тем самым вероятность применения пыток к находящимся под стражей подозреваемым лицам. Кроме того, Комитет отметил, что, действительно, подозреваемые в наибольшей степени рискуют стать жертвами пыток именно в тот период, когда они не имеют возможности связаться с родственниками и адвокатами¹⁶. Учитывая такое отсутствие гарантий, касающихся доступа к правовой помощи, в частности во время предварительного заключения, лишение возможности связаться с семьей, отсутствие у семьи информации о месте его содержания под стражей, отказ в доступе к врачу и то обстоятельство, что заявитель был вынужден подписать заявления, составленные на языке, которым он не владеет, и ввиду отсутствия информации государства-участника, в которой оспаривались бы эти заявления, Комитет считает, что государство-участник не выполнило своих обязательств по пункту 1 статьи 2 и по статье 11 Конвенции.

10.4 В связи со статьями 12 и 13 Конвенции Комитет принял к сведению утверждения заявителя о том, что следственный судья не начал расследования и не распорядился о проведении медицинского обследования, а также отказался заносить в протокол утверждения о пытках, сформулированные заявителем; что 11 февраля 2011 года он направил министру юстиции ходатайство о проведении независимыми экспертами судебно-медицинской экспертизы и что это ходатайство было отклонено; что 13 мая 2011 года заявитель подал Генеральному прокурору при Апелляционном суде жалобу на пытки, рассмотрение которой было прекращено, а затем возобновлено; что заявитель был допрошен сотрудниками полиции в связи с его жалобой лишь в декабре 2011 года и что в январе 2012 года он был осмотрен судебно-медицинским экспертом; что его просьбы об обследовании врачами, работающими в нейтральном учреждении, не были удовлетворены; и что его просьба о получении доступа к фотографиям, сделанным по его прибытии в тюрьму, также была отклонена. Комитет принимает также к сведению мнение двух врачей о медицинском заключении, составленном после осмотра заявителя судебно-медицинским экспертом в январе 2012 года, в соответствии с которым указанное медицинское заключение не соответствует рекомендациям Стамбульского протокола.

10.5 Комитет отмечает, что, несмотря на письмо, направленное заявителем на имя министра юстиции в феврале 2011 года, не было проведено никакого медицинского обследования и что в связи с его заявлением о возбуждении уголовного дела такое обследование было проведено лишь в январе 2012 года, т.е. спустя более чем год после предполагаемых событий. Кроме того, в связи с указанным заявлением о возбуждении уголовного дела не проводилось никакого допроса заявителя вплоть до декабря 2011 года, и до этой даты заявитель ни разу не информировался о ходе производства по его делу или даже о том, что производство по его делу было возобновлено. Комитет отмечает также, что государство-

¹⁵ Замечание общего порядка № 2 (2007 год) о применении статьи 2 государствами-участниками, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят третья сессия, Дополнение № 44 (A/63/44)*, приложение VI.

¹⁶ CAT/C/MAR/CO/4, пункт 8.

участник не представило никакой информации о результатах расследования и имевшихся в распоряжении властей доказательств, ограничившись заявлением о том, что собранные данные были доведены до сведения заявителя. Комитет отмечает также, что в момент принятия решения об утверждении обвинительного приговора Апелляционный суд игнорировал утверждения заявителя о пытках и даже отказался признавать, что такие заявления делались в ходе производства.

10.6 В свете вышеизложенного Комитет считает, что властями было допущено нарушение процедуры расследования, не совместимое с принятым государством по статье 12 Конвенции обязательством обеспечивать, чтобы его компетентные органы проводили быстрое и беспристрастное расследование, когда имеются достаточные основания полагать, что была применена пытка. Не обеспечив соблюдение этого обязательства, государство-участник не выполнило также своего обязательства по статье 13 Конвенции – обеспечить заявителю право на предъявление жалобы, что предполагает адекватное реагирование властей на такую жалобу путем проведения быстрого и беспристрастного расследования¹⁷.

10.7 Заявитель утверждает, что он является жертвой нарушения статьи 15 Конвенции потому, что он был, по его утверждениям, осужден на основе материалов дела, состоящего главным образом из так называемых признательных показаний, которые были получены под пыткой во время его предварительного заключения и от которых он впоследствии отказался.

10.8 Комитет напоминает, что на основании этой статьи государство-участник должно обеспечить, чтобы любое заявление, которое, как установлено, было сделано под пыткой, не использовалось в качестве доказательства в ходе любого судебного разбирательства. Из постановлений Апелляционного суда явствует, что признательные показания заявителя оказали решающее воздействие на вынесение решения о его осуждении. Комитет принимает к сведению утверждения заявителя, касающиеся пыток, которым он был якобы подвергнут во время своего предварительного заключения; что заявитель был осмотрен 20 сентября 2012 года независимым врачом, который сопровождал Специального докладчика по вопросу о пытках во время его посещения Марокко и который пришел к выводу о том, что большинство следов, наблюдавшихся на теле заявителя, и испытывавшиеся заявителем симптомы были совместимы с его утверждениями; что, как указано выше, государство-участник не выполнило своего обязательства по проведению быстрого и беспристрастного расследования заявлений о применении пыток; и что Апелляционный суд не принял всерьез заявления о пытках в момент вынесения обвинительного приговора заявителю на основе его признательных показаний, отказавшись даже признавать тот факт, что эти заявления делались в ходе судебного разбирательства. Исходя из этого, Комитет считает, что государство-участник не выполнило своих обязательств по статье 15 Конвенции. В этой связи Комитет напоминает, что в своих заключительных замечаниях, касающихся четвертого периодического доклада Марокко, Комитет выразил обеспокоенность тем, что в соответствии со сложившейся в государстве-участнике следственной практикой признательные показания весьма часто рассматриваются как доказательства, позволяющие возбудить преследование и вынести обвинительный приговор, и что в основе многих обвинительных приговоров, в том числе по обвинению в терроризме, лежат при-

¹⁷ Сообщение № 376/2009, *Бендиб против Алжира*, Решение Комитета от 8 ноября 2013 года, пункт 6.6.

знательные показания, что создает предпосылки для применения пыток и жестокого обращения по отношению к подозреваемым¹⁸.

11. Комитет против пыток, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении пункта 1 статьи 2, а также статей 11, 12, 13 и 15 Конвенции.

12. Комитет настоятельно призывает государство-участник в соответствии с пунктом 5 статьи 118 своих правил процедуры (CAT/C/3/Rev.6) в течение 90 дней с момента препровождения настоящего решения проинформировать его о мерах, принятых в связи с вышеизложенными соображениями. Эти меры должны включать в себя проведение беспристрастного и тщательного расследования утверждений заявителя. Такое расследование должно включать в себя проведение медицинских осмотров в соответствии с рекомендациями Стамбульского протокола.

[Принято на английском, испанском и французском языках, причем языком оригинала является французский. Впоследствии будет издано также на арабском, китайском и русском языках в качестве части ежегодного доклада Комитета Генеральной Ассамблее.]

¹⁸ CAT/C/MAR/CO/4, пункт 17.